

УДК 398 (=511.131)
ББК 63.5 (2 Рос. Удм) + 82.3 (2 Рос. Удм)

Поминальный обряд чекан в этнокультурном ландшафте удмуртской деревни¹

Николай Владимирович Анисимов

(Эстонский литературный музей: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйсе, д. 42;
Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального
исследовательского центра УрО РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск,
ул. Ломоносова, д. 4)

Аннотация. В статье на основе полевых материалов автора рассматривается узколокальный обряд поминовения покойных, умерших на чужбине и неестественной смертью, — чекан, который по сей день проводится жителями двух родственных деревень — Калашиур (удм. Вуж Тӱгырмен) и Дубровский (удм. Виль Тӱгырмен) Киясовского района Удмуртской Республики. В церемонии участвуют представители только этих деревень, приезжают уехавшие в другие районы односельчане. Он совершается раз в четыре года в июне високосного года. Место проведения обряда находится ниже по течению реки Шехостанка (удм. Миёл) относительно д. Калашиур, местные жители называют его «чекан/чекаськон иньты». От номинации обряда получили название и все прилегающие объекты окружающего пространства (родник, луг, жертвенная ель и т.д.), которые не утратили своего сакрального значения и в настоящее время. Неоднократное участие в ритуале и наблюдения позволили сделать следующие выводы: 1) традиционное место проведения обряда каждый раз смещается ближе к д. Калашиур; 2) уменьшается количество участников церемонии, в том числе приезжих односельчан; 3) сокращается обрядовый сценарий, упрощаются его структурные элементы. Таким образом, трансформируется первоначальный религиозно-культурный ландшафт деревни.

Ключевые слова: удмурты, культ предков, поминальное жертвоприношение чекан, заложные покойники, умершие на чужбине, топография обряда.

Статья поддержана исследовательским грантом Эстонского литературного музея ЕКМ 8–2/20/3 и Центром повышения квалификации эстонских исследований (ТК 145) через Европейский фонд регионального развития. Выражаю признательность Е. Тулуз и Т. Г. Владыкиной за ценные комментарии и помощь в работе над текстом.

Дата поступления статьи: 3 января 2021 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

Для цитирования: Анисимов Н. В. Поминальный обряд чекан в этнокультурном ландшафте удмуртской деревни // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 1. С. 145–156.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2021.22.1.012>

Этнокультурный ландшафт традиционных поселений в Удмуртии до сих пор организуется сообразно религиозно-мифологическим воззрениям. Календарные обряды и соотнесенные с ними места проведения ритуальных церемоний

¹ Версия статьи на эстонском языке “Mälestamisrituaal tšekan nüüdisaegse udmurdi külaetnokultuurilisel maastikul” была опубликована в 2018 г. в ежегоднике Эстонского национального музея “ERMi aastaraamat 61” [Anisimov 2018].

регламентируются и локализуются в соответствии с символическими локусами пространства, с учетом сакральной топографии местности.

В традиционной культуре удмуртов большую роль в организации этнокультурного ландшафта деревни играет река/родник. Об этом свидетельствуют как научные источники (см., например: [Владыкин 1994, 75–81, 219–220; Владыкина 1997, 179; Владыкина, Глухова 2011, 24–25, 63, 75, 104–106, 144–145]), так и последние сведения, полученные от информантов [Анисимов 2017, 37]. Места всех приуроченных к календарю молений расположены обычно по течению реки. Полагают, что верхний мир находится в верховьях реки, в низовьях располагается нижний мир / мир мертвых.

Именно такое соотношение пространства просматривается в отпращивании узколокального обряда *чекан*, который связан с поминовением особой категории покойников — скончавшихся на чужбине и умерших неестественной смертью. Обряд практикуется в родственных деревнях Калашур (удм. *Вуж Тӱгӱрмен*) и Дубровский (удм. *Выль Тӱгӱрмен*) Киясовского района Удмуртской Республики и строго прикреплен к народному календарю.

Исследование выполнено на основе полевых материалов автора (далее — ПМА) 2008, 2012 и 2016 гг., сведений из диалектологического архива факультета удмуртской филологии (ныне — Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики) Удмуртского государственного университета, а также имеющейся литературы. Были учтены личные наблюдения автора (2008–2018), уроженца д. Дубровский. Основные информанты — местные жители в возрасте от 50 до 90 лет, большей частью женщины, поскольку именно эта категория населения является активным хранителем народных традиций. Особую ценность представляют сведения тех информантов, которые родились и выросли в этих деревнях, поскольку благодаря им стал возможен диахронный анализ предмета исследования.

Устный характер традиции предопределил комплексный подход с использованием прежде всего метода включенного наблюдения и закономерного анализа материала с точки зрения взаимодополняющих дисциплин: этнографии,

фольклористики, культурной антропологии, этнолингвистики.

В полевых условиях фиксация материала производилась на фото- и видеокамеру, а также цифровой диктофон. Смонтированный фильм об этом обряде, проведенном в 2008 г., имеется на видеохостинге YouTube [Обряд «чекан» 2008]. Задокументированный в 2012 г. ТРК «Моя Удмуртия» обряд был смонтирован и имеется в открытом доступе в Интернете [Чекан 2012], некоторые видеофрагменты этого же года можно найти на YouTube [Обряд «чекан» 2012]. Основная часть зафиксированных материалов и полевые интервью (фото-, видео- и аудиофайлы) хранятся в личном архиве автора статьи.

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА

Термин *чекан* — слово, деэтимологизированное в современном удмуртском языке. Учеными произведена реконструкция значения слов с общим корнем *чек-* и его различными вариантами, в связи с чем они приводят целый ряд понятий: *чеке*, *чеканы/чекаськыны*, *чокмор*, *чокмар*, *чокморскон/чокморгяскон*, *четкер/чекер/черкке/чекерйыл/чекерил* и т.д. [Владыкина 1997, 42; Lintrop 2003, 151–152; Глухова 2004, 150–153; Владыкина, Глухова 2011, 137–139]. По сведениям удмуртских ученых, перечисленные слова этимологически восходят к тюркским языкам и в виде культурного знака имеют значение «предложения жертвы / жертвоприношения» с адресацией душам умерших [Владыкина, Глухова 2011, 137–138]. О важности учета особенностей толкования языковых единиц (слова) и культурного знака писали, например, московские этнолингвисты [Толстая, 2010, 7–19]. Такой подход представляет большой интерес, поскольку позволяет раскрыть семантико-символическое содержание рассматриваемого объекта культуры в контексте этнолингвистического миропонимания. Нельзя оставлять без внимания и тот факт, что топографические объекты с данным корнем или его вариантом в названии встречаются на всей территории проживания удмуртов и трактуются как локус, связанный с ритуальной практикой поминовения предков-родоначальников на возвышенных местах или старинных кладбищах [Владыкина 1997, 42; Владыкина, Глухова

2011, 138] и тесно связаны с представлениями о душах умерших предков, требующих актуализации в определенные календарные периоды и в определенном ритуальном пространстве [Глухова 2004].

Таким образом, *чекан* — это культурный знак, объединяющий атрибут + слово + акцию и указывающий на особое сакральное действие по отношению к умершим предкам, совершаемое в установленном традицией времени и пространстве.

СОДЕРЖАНИЕ ОБРЯДА

Со слов информантов, данный ритуал посвящен поминовению покойных односельчан, скончавшихся за пределами деревни и по этой причине не захороненных на местном кладбище, а также наложивших на себя руки. Здесь, вероятно, скрывается стремление людей не оставить в стороне «особых» покойников в кризисный момент времени (об этом далее), когда они могут каким-либо образом негативно повлиять на живых. Можно предположить также, что, кроме всего прочего, этим поминальным жертвоприношением выказывается почтение и к данной категории умерших, поскольку, как правило, в дни общих и частных поминок для них специальные подношения не предусмотрены. Иначе говоря, поминовением *чекан* живые сохраняют связь и с этой категорией покойных односельчан, что, согласно верованиям, не дает им возможности перейти в разряд демонических духов.

По сведениям из научной литературы [Владыкин 1994, 243; Lintrop 2003, 212], имеющимся документальным фильмам [Века и вехи 2006] и личным полевым материалам (2017) ритуал специального поминовения усопших за пределами поселения в настоящее время бытует в д. Варклед-Бодья Агрызского района Республики Татарстан. Этот ритуал называется *сёрло/-н кулэмъёслы куяськон* (поминовение умерших на стороне) / *куяськон* (поминки) и является заключительным этапом праздника *Гершид* (суп плуга / плужный суп) [Владыкин 1994, 243; Lintrop 2003, 212]. Как и в обряде *чекан*, локус поминовения ориентирован по течению реки и совершается в ее

низовьях, ниже других мест общинных молений. Однако имеются определенные различия. В д. Варклед-Бодья обряд проводится ежегодно, поминаются «родичи прежней родины» [Владыкин 1994, 243]². В деревнях Калашур и Дубровский поминальный ритуал совершается всего один раз в четыре года, когда поминаются скончавшиеся неестественной смертью и на чужбине. Некоторые сходные черты можно обнаружить также в сравнении с поминальным жертвоприношением покойным родителям *йыр-пыд сётон* (отдавание головы и ног <животного>). Но здесь обычно адресат центрального поминовения один — кто-либо из родителей, и обряд темпорально закреплен за осенне-зимним периодом, тогда как *чекан* традиционно посвящен всем «особым» покойным односельчанам и проводится лишь в июне високосного года. Иные схожие по названию и в некоторой степени близкие поминальные церемонии *чёкаськон/чекаськон* зафиксированы в научной литературе, однако в настоящее время в описанных локальных традициях уже не практикуются [Верецагин 1997, 248–249; Шутова 2001, 44, 46, 88]. В 2020 г. в д. Баграш-Бигра Малопургинского района Удмуртии активными жителями села был восстановлен и проведен уже почти забытый поминальный обряд жертвоприношения *чека вось* в честь односельчан, погибших на чужбине. Обряд совмещал моление и поминовение с ритуальным возлиянием и был приурочен к 75-й годовщине победы в Великой Отечественной войне. По словам организаторов, основная цель ритуала — помянуть односельчан, которые погибли в годы войны на чужбине и не были похоронены на местном кладбище.

Схожие параллели можно обнаружить в культуре соседних народов, например русских, чувашей, марийцев, коми-зырян и коми-пермяков (см.: [Зеленин 1995, 129–140; Тойдыбекова 1997, 298–300; Тойдыбекова 2007, 243–244; Панченко 2008, 232–259; Чугаева 2008, 260–271] и др.). На наш взгляд, наиболее близким к рассматриваемому удмуртскому *чекану* является марийский поминальный обряд *утымлан пуымаи* (праздник безродным), который проводят

² Удмурты рода Бодья (удм. *Бодья*) переселились сюда с территории, соотносимой сегодня с границами современной Удмуртии.

в каждой деревне раз в три года [Тойдыбекова 1997, 298–300; Тойдыбекова 2007, 243–244]. Регламентом предусмотрена кровавая жертва (черный бык, баран или овца) душам отдаленных предков, степень родства с которыми уже невозможно установить [Там же]. Такого рода поминовения покойников, забытых родными и близкими, характерны и для русской культуры. А. Панченко, анализируя подобные ситуации, приходит к справедливому заключению: особую роль в подобных культурных явлениях играет отношение населения к древним и/или заброшенным кладбищам, археологическим памятникам, которые нередко выполняют роль местных святынь; почитание этой категории умерших стоит рассматривать не как эссенциалистские представления, а как локальные и региональные культурные формы; поминовение таких покойников требует не индивидуального или семейного внимания, а коллективного (общинного) участия [Панченко 2008, 232–259].

Удмуртский обряд *чекан* состоит из нескольких этапов. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Действия, предваряющие ритуал.

В первой половине дня в каждом доме готовятся к обряду *чекан*: готовят поминальные блюда (куриный суп или пшеничную кашу и т.д.), проводят семейное поминовение. С торца стола ставят стопку алкогольного напитка (обычно самогона), который наливают *наopak* (движением руки от себя), и обращаются к усопшим. Этот напиток называется *пересь вина* (вино <для> предков) и предназначается умершим. Рядом со стопкой стоит большая тарелка, куда также движением руки от себя отливают или крошат различные блюда, предлагая их вслух покойным. После того как все взрослые члены семьи совершили описанные действия, называемые *куяськон* (бросание/отдаривание), глава семьи либо самый пожилой из присутствующих выносит дары за пределы хозяйства (чаще всего в огород или за изгородь) и опрокидывает их в сторону запада или севера. Здесь снова произносятся вербальные формулы с просьбами принять подношения и даровать благополучную жизнь живым.

Исполнение ритуальных песен и поминовение. Деревня Калашур, Киясовский р-н, Удмуртская Республика. Фото М. Мазур, 2012 г.

Performance of ritual songs and commemoration of the dead. Kalashur Village, Kiyasovsky District, Udmurt Republic. Photo by M. Mazur, 2012

Жертвоприношение. Ранним утром, до рассвета, мужчинами в жертву приносятся животное, обычно бык или телочка. По воспоминаниям старожиллов, до середины XX в. ритуальным животным служила лошадь, которую забивали вечером предыдущего дня. Мясо варили в течение всей ночи. Жертвенное животное перед закалыванием и сейчас ориентируют головой на запад либо север, кровь пускают в землю или же выливают у подножия поминальной ели. Из мяса варят кашу и суп, голову и ноги оставляют для ритуального подношения.

Основная часть. К полудню на месте проведения обряда собираются жители деревень Калашур и Дубровский, приезжают женщины, вышедшие замуж в другие деревни, и живущие в других краях односельчане. Тогда же все присутствующие, кроме детей и неженатой молодежи, совершают возлияние и ритуальное кормление умерших — *куяськон*. Все встают вокруг емкостей, куда крошат принесенную стряпню, кладут часть каши и отливают немного супа, наливают алкоголь, вслух поминая своих умерших. Все манипуляции с пищей выполняют движением руки от себя, чтобы все просьбы и дары «дошли» до мира мертвых. Рядом с пищевыми подношениями зажигают восковую свечу, которую закрепляют на куске хлеба.

Здесь же исполняют ритуальные песни *кисьтон гур* (поминальный напев), *чекаськон гур* (напев <поминовения> чекан). *Чекаськон гур* исполняется на мотив свадебных мелодий (*сюан гур* и *ярашон гур*) с обращением к душам умерших с различными просьбами. В качестве примера приведу тексты этих песен, записанные во время обряда в 2008 г.:

Чекаськон гур (напев <поминовения> чекан)

*Та сётылэм животмес кияды(й) кутэлэ.
Бер кылем но животмес гид тыр, луд тыр
карелэ.
Бер кылем но животмес гид тыр, луд тыр
карелэ.*

*Ой, зеч улэ, зеч улэ сояз(ы) но(й) дунне(й)ын,
Бер кылем но семьядылы(й) азинлык но
сётэлэ.
Бер кылем но семьядылы азинлык но сётэлэ.*

(Это отданное вам животное в руки примите.
Оставшийся да скот приумножьте.
Оставшийся да скот приумножьте.

Ой, хорошо живите, хорошо живите в том
да мире,
Оставшейся да <вашей> семье успех да
подайте.
Оставшейся да <вашей> семье успех да
подайте)
[Анисимов, Вершинина, Пчеловодова 2011,
85–86].

*Бер кылем но нылпылы тазалык но сётэлэ,
Гурто гынэ калыккы азинлыккэ сётэлэ.
Гурто гынэ калыкмылы азинлыккэ сётэлэ.*

*Кизыылэм но ю-няньлы небыт зорзэ мед сётоз,
Кизыылэм но, ой, ю-няньмы зеч гынэ мед
удалтоз.
Кизыылэм но, ой, ю-няньмы зеч гынэ мед
удалтоз.*

(Оставшимся да детям здоровья да даруйте,
Односельчанам да процветания даруйте.
Нашим да односельчанам процветания
даруйте.

На посеянные да хлеба мягкие дожди пусть
пошлет <Господь>,
Посеянные да, ой, хлеба наши хороший
урожай пусть дадут.
Посеянные да, ой, хлеба наши хороший
урожай пусть дадут)

(Зап. от Лидии Николаевны Атеевой, 1949 г.р. (урож. д. Карамас-Пельга); Александры Гавриловны Ешкеевой, 1946 г.р. (урож. д. Дубровский); Ксении Павловны Камашевой, 1940 г.р. (урож. д. Верхняя Малая Салья); Зайтуны Шартдиновны Камашевой, 1951 г.р. (урож. д. Аскино, Аскинский р-н, Башкортостан); Марии Николаевны Камашевой, 1941 г.р.; Энны Петровны Камашевой, 1964 г.р.; Алевтины Никандровны Микушевой, 1953 г.р.; Александры Михайловны Семеновой, 1949 г.р.; Валентины Павловны Скоробогатовой, 1955 г.р. (урож. д. Верхняя Малая Салья); д. Калашур, Киясовский р-н, Удмуртия. Соб. Н.В. Анисимов. 2008 г.) [ПМА 2008].

Кисьтон гур (поминальный напев)

*Та вордылэм эль вылэ но
Кыле лёгем пытие.
Лёгем пытие мар гынэ но,
Кыле ёзэ-калыке.*

*Улом валче, туганэ, но,
Вылом валче, туганэ.
Ум ведь улэ, ум ведь улэ
Люгыт дунне сисьмытозь.*

*Люгыт дунне, ой, сисьмытозь,
Асьмеос но ум улэ.
Асьмелэн но выльёсамы
Вож бадьёс но потозы.*

*Шулдыр гужем, шулдыр гужем,
Тылобурдо чирдыку.
Чиге вылэм пинял сюлэм,
Эшгёс тодэ лыктыку.*

*Ой тйя вал италмасэз,
Уз ик төлзы кожаса.
Ой вера вал веран кылме,
Ум люкиське шуыса.*

*Ой, бадяр куар, бадяр куар но,
Пасьтана усем бадяр куар.
Пасьтана усем бадяр куар кадь,
Туннэ асьмес пазьгиськом.*

(В этих родных краях да
Остаются мои следы.
Да что уж мои следы да,
Остаются мои сверстники, мой народ.

Жить будем вместе, родные, да,
Будем вместе, родные.
Не будем ведь жить, не будем ведь жить
До скончания белого света.

До скончания, ой, белого света
Мы не будем жить.
На наших могилах да
Зеленые ивы вырастут.

Веселое лето, веселое лето,
Когда птицы поют.
Сердце тоскует, оказывается,
Когда вспоминаются друзья.

Не ломала цветы купавы,
Думая, что не облетят.
Не сказала заветных слов,
Думая, что не расстанемся.

Ой, кленовые листья, кленовые листья да,
Вразброс опавшие кленовые листья.
Словно вразброс опавшие кленовые листья,
Сегодня мы расстанемся-разойдемся)

(Зап. от тех же исполнительниц без участия
Э. П. Камашевой и А. Н. Микушевой, там же,
тем же) [ПМА 2008].

Исполнение этих напевов регламентировано структурой обряда, параллельно оно сопровождает акциональные и вербальные действия участников поминовения. Музыкальное и вербальное сопровождение ситуаций контакта с миром мертвых служит коммуникативным инструментом, некой формой «завуалированной речи», конструирующей диалог между мирами (см., например: [Нуриева 2014, 87; Анисимов 2017, 220–229]). Функция музыкально-песенного сопровождения обряда была рассмотрена автором статьи в работе: [Анисимов 2017].

Проводы умерших. После того как все участники обряда совершили ритуальное возлияние, поминальные дары относятся к священному дереву — *чекаськон/чекан/куяськон кыз* (ель <обряд> поминовения чекан / поминовения). На этом месте живые прощаются с умершими (*келиськон*) до следующего раза.

Здесь оставляют голову и ноги животного, опрокидывают емкость с поминальными едой и питьем, еще раз поют поминальные песни и поминают умерших. Особо следят за расположением головы и ног жертвенного животного: голову располагают по направлению течения реки, передние и задние ноги раскладывают соответственно, т.е. имитируют животное. Так душе животного «указывают» направление следования — в мир мертвых. Как только обряд прощания заканчивается, все участники возвращаются на поляну, где проходила первая часть ритуала. Последним уходит пожилой мужчина — он чертит кресты на тропе, по которой прошли участники ритуала. Выполняя это действие, он обращается к умершим, уговаривая их не следовать за живыми и ожидать, когда живые сами вновь придут помянуть их. Очерчиванием границы между двумя мирами завершается церемония поминовения.

Заключительный этап. По возвращении на поляну начинается трапеза, которая переходит в гулянье и веселье. Трапезничают, как правило, отдельными родственными группами, расположившись в круг.

По воспоминаниям старожил, этот обряд считался «праздничным», поскольку собиралось много людей и царила веселая атмосфера. После «проводов» душ умерших могли водить хороводы, играть, танцевать, петь различные песни и веселиться. Здесь же, прямо на лугу, продолжалось общение, обрядовое застолье и угощение друг друга алкогольными напитками.

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ОБРЯДА

Как уже было изложено, в ритуальной церемонии участвуют лишь жители двух деревень Киясовского района — Калашур (удм. *Вуж Тйгырмен*) и дочерней — Дубровский (удм. *Выль Тйгырмен*), и приезжие односельчане. По воспоминаниям старожил, примерно до конца XX в. на обряд приходили и русские из соседних деревень Лутоха и Сабанчино, которые до завершения основных сакральных действий ожидали в стороне, после чего присоединялись к послеобрядовому гулянию. В настоящее время посторонние могут принимать пассивное участие: им не разрешается участвовать в основных этапах поминовения — *кяуэськон* (возлияние) и *келиськон* (проводы умерших). От участия в этих действиях отстранены также дети и молодые люди, не состоящие в браке. Как отмечают информанты, до середины XX в. основным действующим лицом ритуала был жрец, руководящий всем поминальным процессом. Он же созывал местных жителей на обряд, возвещая об обряде стуком деревянной колотушки или стуком о железный предмет, когда направлялся в сакральное место. Сейчас в качестве инициаторов и обрядовых распорядителей выступают пожилые односельчане, а организационными вопросами (поиск обрядовой жертвы и помощников для приготовления поминального блюда, подготовка и уборка ритуального пространства, оповещение населения о времени проведения и т.д.) занимаются работники культуры и глава муниципального образования.

ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Время проведения ритуала регламентировано очень конкретно. По сведениям

информантов, *чекан* проводится в июне после праздника, отмечающего завершение весенне-полевых работ, и лишь в високосный год. Июнь в традиционном понимании удмуртов считался переломным временем в народном календаре, маркированным летним солнцестоянием, что также отражено в удмуртском названии месяца — *инвожо толэзь* (месяц небесных духов <переходного времени> *вожо*). Считалось, что в это время с небес на землю спускались духи верхнего/небесного мира. Приуроченность обряда к високосному году (*касиян/касъян*³ *ар* (Касьянов год)) информанты объясняют тем, что этот год считается тяжелым годом, поэтому для его «облегчения» проводится данный обряд. Вероятнее всего, *чекан* проходил раз в три года, так же как и поминальный ритуал удмуртов Малопургинского и Можгинского районов Удмуртии *чокаськон/чекаськон*, зафиксированный в литературных источниках [Верещагин 1997, 248–249; Шутова 2001, 44–46, 88]. Возможно, позднее обряд закрепили за високосным годом, ссылаясь на представление о семантике этого времени.

По воспоминаниям информантов, этот обряд был на грани исчезновения в связи со Второй мировой войной. Однако после одного несчастного случая (конкретные сроки ситуации информанты назвать не смогли) его возобновили: на болоте, рядом с местом проведения ритуала, увяз жеребец и погиб. Местные жители усмотрели в этом происшествии недобрый знак и решили возобновить проведение поминального жертвоприношения.

Современная приуроченность поминального обряда *чекан* к високосному году неслучайна. Поскольку темпоральный код ритуала отмечен семантикой рубежности / опасного, тяжелого времени, поминовение лиминальной категории умерших (*кыре-буре/палэнэ кулэмъёс*) в этот период имеет важное значение для психологической стабильности деревенского сообщества.

Необходимо отметить, что в 2020 г., несмотря на сложную ситуацию с COVID-19, обряд не был отменен, но перенесен на начало августа.

³ Название происходит от имени святого Иоанна Кассиана Римлянина, чествование которого в народном календаре восточных славян приходится на 29 февраля.

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ

Место проведения обряда *чекан* ориентировано по течению реки у д. Калашур и расположено у подножия холма, рядом с родником, где все окружающие топографические объекты имеют маркировку, указывающую на локализацию данного ритуала: *чекан возь* (луг обряда чекан), *чекан ошмес* (родник обряда чекан), *чекан/чекаськон кыз* (ель обряда чекан/поминовения), *чекан нюр* (болото обряда чекан). Недалеко от этого места находится другой сакральный локус — *акташ*, где когда-то проводили моление в честь божества *Акташ*'а. Ближе к деревне, на вершине холма, находится место, которое называют *нимтэмшиай* (безымянное кладбище). Беседа с информантами показала, что память об этом месте сохраняется лишь среди старшего поколения.

В ходе наблюдения за ритуалом в 2008, 2012 и 2016 гг. удалось заметить, что в 2008 и 2012 гг. место проведения менялось. Все эти изменения указаны на приводимых ниже картах. Если до конца XX в. обряд проходил на своем исходном пространстве, то теперь оно сместилось ближе к д. Калашур. В 2008 г. все основные этапы ритуала, кроме проводов умерших, ритуального подношения даров к подножию священной ели и гулянья, проходили на месте, где примерно до начала XX в.

проводился обряд, посвященный злобно-му божеству *Акташ*'у.

В 2012 г. первая часть ритуальной церемонии проходила в конце деревни, проводы умерших и оставление жертвенных даров уже совершили на месте *акташ*, до исходного места проведения обряда *чекан* участники не дошли. Послеобрядовое гулянье продолжилось там же, где провели первую часть ритуала. В 2016 г. все действия проходили в таком же порядке и в тех же локусах, как и в 2012 г.

Из общения с информантами автор пришел к выводу, что в результате изменения места проведения ритуальной церемонии *чекан* создается новый облик этнокультурного ландшафта, поскольку обрядовые действия ведут к сакрализации очередного топографического локуса. С приобретением статуса сакральности новыми географическими объектами одновременно сохраняют свои знаковые функции и исходные места проведения других ритуалов. Локус обряда *акташ* в результате обретает двойное сакральное значение. Однако, в связи с тем что воспоминания об *акташе* сохраняются лишь в памяти старожил, он не получает прежней значимости среди молодого поколения и постепенно стирается с карты культурного ландшафта деревни. В итоге оказывается, что активное знание

Место проведения обряда в 2012 и 2016 гг.

The place where the ceremony was performed in 2012 and 2016

современных ритуальных практик влияет на функционирование сакрального пространства в конкретном микроареале и поведение сообщества в нем.

С чем же связаны изменения места проведения обряда? По словам самих информантов, обряд проводится редко, один раз в четыре года, поэтому место заросло деревьями, из-за чего сложно пройти к исходному священному месту и найти поминальное дерево. Другая причина заключается в том, что в обряде больше участвуют пожилые люди, все меньше молодежи, практически перестали приезжать уехавшие в другие края односельчане, что говорит о постоянном сокращении количества участников обряда. С другой стороны, можно предположить, что активное влияние православия и современного мира ведут к переосмыслению традиционного мировоззрения. В связи с этим проведение некоторых основных этапов, элементов обряда в народном сознании стало восприниматься как полноценное отправление всего ритуала, что, возможно, привело к утрате представлений о строгой закреплённости места проведения ритуала. Все эти причины подвигли жителей к вышеуказанным изменениям этнокультурного ландшафта своей деревни.

ВЫВОДЫ

Поминальный обряд *чекан*, включенный в календарный цикл узколокальной группы удмуртов Киясовского района Удмуртии, сегодня претерпевает изменения, которые становятся причиной формирования нового облика культурного ландшафта деревни. За последние годы место проведения ритуала несколько раз менялось, изменилась традиционная структура обряда и регламент действий: например, животное приносят в жертву уже не

вечером предыдущего дня, а в день поминовения; ритуальное блюдо готовится не в течение ночи, а с утра до обеда; не стало специально назначенного жреца, руководящего последовательностью ритуальных действий, и пр. Скорее всего, основными причинами трансформаций обряда явились: 1) постепенное исчезновение традиционного мировоззрения и уклада жизни; 2) усиление влияния православия на местное сообщество; 3) влияние современных глобализационных и индустриализационных процессов; 4) миграция молодого поколения в города и «старение деревни».

Изменения сакрального локуса ведут, в свою очередь, к изменению поведенческих стереотипов жителей деревень в пространстве и во времени. Однако, несмотря на происходящие изменения, поминальный обряд *чекан* представляет сегодня активную ритуальную практику почтительного отношения ко всем категориям покойных, является важным звеном похоронно-поминального обрядового комплекса и одним из ярких проявлений культа предков в целом. Феномен устойчивого сохранения поминальных обрядов можно объяснить особым отношением удмуртов к покойным предкам — их боятся, уважают, почитают, наделяют могущественной силой, что нашло свое отражение в высказывании одного из информантов: «*Иньмар чида, кулэмъёс уг чидало* (<Бог> Иньмар терпит, умершие не терпят)», другими словами, умершие требуют своевременного принесения поминальных жертв [Анисимов 2017, 110]. Считается, что от отношения к умершим и предкам зависит благосостояние всего деревенского сообщества, отсюда стремление умиловить покойников всех категорий, чтобы сохранить гармонию между миром живых и миром мертвых.

Источники и материалы

Века и вехи 2006 — Историко-этнографический фильм «Века и вехи». URL: <https://youtu.be/-5BVN3JaYyU> (дата обращения: 03.04.2018).

Обряд «чекан» 2008 — Фильм «Обряд «чекан» киясовских удмуртов». URL: <https://youtu.be/g-3xjfcdbd8> (дата обращения: 03.04.2018).

Обряд «чекан» 2012 — Видеофрагменты «Обряд «чекан» киясовских удмуртов». URL: а) <https://youtu.be/UChNw1Z5WQ>; б) <https://youtu.be/TAKDoulMxYs> (дата обращения: 03.04.2018).

ПМА — Полевые материалы автора.

Чекан 2012 — Телеочерк «Кто мы. Чекан». URL: <https://youtu.be/CDFgJRzbVko> (дата обращения: 03.04.2018).

Исследования

Анисимов 2017 — Анисимов Н. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2017.

Анисимов, Вершинина, Пчеловодова 2011 — Анисимов Н. В., Вершинина Е. Б., Пчеловодо-

ва И. В. Тигырменские мелодии: песни тигырменских удмуртов Киясовского района Удмуртской Республики. Ижевск: Респ. дом нар. творчества — Дом молодежи, 2011.

Верещагин 1997 — *Верещагин Г. Е.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1 / Под ред. В. М. Ванюшева; Отв. за вып. Г. К. Шкляев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

Владыкин 1994 — *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994.

Владыкина 1997 — *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997.

Владыкина, Глухова 2011 — *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* *Ар-год-берган*: Обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011.

Глухова 2004 — *Глухова Г. А.* К этимологии слова «чокмор» // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: Сб. ст. / Сост. В. М. Ванюшев, Т. С. Зыкина; Отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 150–153.

Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки / Подгот. текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. М.: Индрик, 1995.

Нуриева 2014 — *Нуриева И. М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: Дис. ... докт. искусствоведения. Ижевск, 2014.

Панченко 2008 — *Панченко А.* «Заложные родители»: смерть, коллективная память и сакральное пространство // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / Редколл.: О. В. Белова (отв. ред.), В. В. Молчанова и др. М.: Центр «Сэфер», 2008. Вып. 22 (академическая серия). С. 232–259.

Тойдыбекова 1997 — *Тойдыбекова Л. С.* Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu: Joensuun yliopistopaino, 1997.

Тойдыбекова 2007 — *Тойдыбекова Л. С.* Марийская мифология: Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007.

Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Чугаева 2008 — *Чугаева С.* *Важ важжез касьтыльм* — поминание предков на культовых местах коми-пермяков // Сакральная география в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / Редколл.: О. В. Белова (отв. ред.), В. В. Молчанова и др. М.: Центр «Сэфер», 2008. Вып. 22 (академическая серия). С. 260–271.

Шутова 2001 — *Шутова Н. И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001.

Anisimov 2018 — *Anisimov N.* Mälestamisrituaal tšekan nüüdisaegse udmurdi küläetnokultuurilisel maastikul // ERMi aastaraamat. 2018. № 61. P. 116–133.

Lintrop 2003 — *Lintrop A.* Udmurdi usund. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2003.

© Н. В. Анисимов, 2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимов Н. В. <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

PhD, научный сотрудник отдела фольклористики Эстонского литературного музея: Эстония, 51003, г. Тарту, ул. Ванемуйзе, д. 42; тел.: +372 (5) 555-64-59; младший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН: Российская Федерация, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4; тел.: +7 (462) 68-89-11; e-mail: kyldysin@yandex.ru

The Commemorative Ritual *Chekan* in the Ethnocultural Landscape of an Udmurt Village

Nikolai V. Anisimov

(Estonian Literary Museum: 42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia;

Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences: 4, Lomonosov str., Izhevsk, 426004, Russian Federation)

Summary. Based on fieldwork, this article examines a local Udmurt commemoration ritual called *Chekan*, which is strictly associated with one of the summer months of leap years and included in the cycle of commemorative rituals dedicated to a particular category of deceased — people

having died abroad and by non-natural causes. The participants in this ritual are only the inhabitants of two related villages, Kalashur (in Udmurt Vuzh Tigyrmén) and Dubrovskiy (in Udmurt Vyl' Tigyrmén) in the Kiyasovo District of the Udmurt Republic, as well as people who had left these villages but came back on purpose to attend. The ceremony takes place downstream of the Shekhostanka River (in Udmurt Miyol) relative to the village of Kalashur; locals call it "chekan/chekas'kon in'ty" ("the place of the Chekan/Chekas'kon"). Everything in the surrounding space (the spring, meadow, sacrificial spruce, etc.), includes "Chekan" — the name of the ceremony — in their designation and continues to preserve a sacred significance. Repeated participation in the ritual has allowed the author to reconstruct its diachrony, to describe its synchronic forms and to follow the evolution of the ritual scenario. The infrequency of the ritual has led to the reduction and simplification of its structure, a decrease in both in quantitative participation and in its diversity, as well as to a change of place. In general, the waning of this tradition has entailed a significant transformation of the cultural and religious landscape of the village.

Key words: Udmurts, cult of the ancestors, commemorative ritual Chekan, deceased by non-natural causes, deceased abroad, topography of ritual.

Acknowledgements. Work on this article was financially supported by research grant EKM 8–2/20/3 of the Estonian Literary Museum and the Center for Advanced Training in Estonian Studies (TK 145) through the European Regional Development Fund. The author expresses his gratitude to E. Toulouze and T. G. Vladykina for their valuable comments and assistance in working on the text.

Received: January 3, 2021.

Date of publication: March 25, 2021.

For citation: Anisimov N. V. The Commemorative Ritual *Chekan* in the Ethnocultural Landscape of an Udmurt Village. *Traditional Culture*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 145–156. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.1.012>

References

- Anisimov N.** (2017) "Dialog mirov" v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov ["Dialogue Between Worlds" Through the Lens of Udmurt Communicative Behavior]. Tartu: Izdatel'stvo Tartuskogo universiteta. In Russian and Udmurt.
- Anisimov N.** (2018) Mälestamisrituaal *tšekan* nüüdisaegse udmurdi külaetnokultuurilisel maastikul [The Commemorative Ritual *Chekan* in the Cultural Landscape of the Contemporary Udmurt Village]. *ERMi aastaraamat* [Yearbook of the Estonian National Museum]. 2018. No. 61. Pp. 116–133. In Estonian and Udmurt.
- Anisimov N. V., Vershinina E. B., Pchelovodova I. V.** (2011) Tigyrmenskije melodii: pesni tigyrmenskikh udmurtov Kiyasovskogo raiona Udmurtskoi Respubliki [Melodies from Tigyrmén: Songs of the Tigyrmén Udmurts of the Kiyasovo District in the Udmurt Republic]. Izhevsk: Respublikanskii dom narodnogo tvorchestva — Dom molodezhi. In Udmurt and Russian.
- Chugaeva S.** (2008) *Vazh vazhzhazh kas'tylöm* — pominanie predkov na kul'tovykh mestakh komi-permyakov [*Vazh vazhzhazh kas'tylöm* — Commemoration of the Ancestors on Cult Sites of the Komi-Permyaks]. In: Sakral'naya geografiya v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii [Sacred Geography in the Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Ed. by O. V. Belova, V. V. Molchanova et al. Moscow: Tsentr "Sefer". Iss. 22 (academic series). Pp. 260–271. In Russian.
- Glukhova G. A.** (2004) K etimologii slova "chokmor" [About the Etymology of the Word "Chokmor"]. In: G. E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ya [G. E. Vereshchagin and the Ethnocultural Development of the Peoples of the Urals and Volga Region]. Ed. by V. M. Vanyushev. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. Pp. 150–153. In Russian.
- Lintrop A.** (2003) Udmurdi usund [Udmurt Beliefs]. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. In Estonian.
- Nurieva I. M.** (2014) Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya traditsiya: spetsifika zhanro-obrazovaniya i funktsionirovaniya [The Udmurt Music and Song Tradition: The Specificity of Genre Formation and Functioning]. DSc dis. Izhevsk. In Russian and Udmurt.
- Panchenko A.** (2008) "Zalozhnye roditeli": smert', kollektivnaya pamyat' i sakral'noe prostranstvo ["Parents Who Died by Non-Natural Causes": Death, Collective Memory and Sacred Space]. In: Sakral'naya geografiya v slavyanskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii [Sacred Geography in the Slavic and Jewish Cultural Tradition]. Ed. by O. V. Belova, V. V. Molchanova et al. Moscow: Tsentr "Sefer". Iss. 22 (academic series). Pp. 232–259. In Russian.
- Shutova N. I.** (2001) Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya [Pre-Christian Cult Monuments in the Udmurt Religious Tradition: An Attempt at Multifaceted Research]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian and Udmurt.
- Tolstaya S. M.** (2010) Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoi etnolin-

gvistike [Semantic Categories of the Language of Culture: Essays in Slavic Ethnolinguistics]. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM". In Russian.

Toidybekova L. S. (1997) Mariiskaya yazycheskaya vera i etnicheskoe samosoznanie [The Mari Pagan Religion and Ethnic Awareness]. Joensuu: Joensuun yliopistopaino. In Russian and Mari.

Toidybekova L. S. (2007) Mariiskaya mifologiya: Etnograficheskii spravochnik [Mari Mythology: An Ethnographic Guide]. Yoshkar-Ola: MPIK. In Russian and Mari.

Vereshchagin G. E. (1997) Sobranie sochine-nii [Collected Works]. In 6 vol. Vol. 3: Etnograficheskie ocherki [Ethnographic Essays]. Bk. 1. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian and Udmurt.

Vladykin V. E. (1994) Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [The Religious and Mythological World Image of the

Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya. In Russian and Udmurt.

Vladykina T. G. (1997) Udmurtskii fol'klor: problemy zhanrovo evolyutsii i sistematiki [Udmurt Folklore: Problems of Genre Evolution and Systematization]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian and Udmurt.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) *Ar-god-bergan*: Obryady i prazdniki udmurtskogo kalendarya [*Ar-god-bergan*: Rituals and Holidays in the Udmurt Calendar]. Izhevsk: Udmurtskii universitet. In Russian and Udmurt.

Zelenin D. K. (1995) Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki [Collected Works. Essays on the Russian Mythology: The Dead by Unnatural Causes and Mermaids]. Moscow: Indrik. In Russian.

© N. V. Anisimov, 2021

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Anisimov <https://orcid.org/0000-0002-6060-3562>

E-mail: kyldysin@yandex.ru

Tel.: +372 (5) 555-64-59

42, Vanemuise str., Tartu, 51003, Estonia

PhD, Researcher, Folklore Department, Estonian Literary Museum

Tel.: + 7 (462) 68-89-11

4, Lomonosov str., Izhevsk, 426004, Russian Federation

Junior Researcher, Department of Philological Studies, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center, Ural Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)